ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА НА НЕБЕСА

НАТАНИЭЛЬ ГАУТОРН

(Перевод с английского
Лидии Мельниченко Брамбилла)

THE CELESTIAL RAILROAD

by

NATHANIEL HAWTHORNE

(Translated into Russian

by

Lydia Mellnichenko Brambilla)

AMERICAN TRACT SOCIETY
7 WEST 45th STREET
NEW YORK CITY

Written by

Nathaniel Hawthorne in the old Manse of the Church established by Rev. Peter Bulkeley at Concord, Mass., in 1636.

Distributed by

MRS. FINLEY J. SHEPARD

Second Edition 1933

Printed in the
United States of America

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА НА НЕБЕСА

Недавно, витая в стране сновидений, я очутился в долине, где находится знаменитый Град Разрушения.

Случилось это вот как: узнав, что несколько времени тому назад, благодаря гражданским добродетелям неких жителей этого города, была построена железная дорога, соединившая этот цветущий и густо-заселенный город с Градом Небесным, — я очень заинтересовался этим и, располагая свободным временем, решил удовлетворить мое любопытство, предприняв туда поездку.

Итак, в одно прекрасное утро, уплатив по счету в гостинице и приказав носильщику увязать мой багаж на задке дилижанса, я занял мое место внутри и мы двинулись по направлению к вокзалу.

К моему удовольствию, моим попутчиком оказался некто Мягкостелящий. Несмотря на то, что он никогда не бывал в Небесном Граде, он, повидимому, отлично знал все его законы, обычаи, статистику и систему управления. Одинаково хорошо был осведомлен он также относительно всех особенностей Града Разрушения, откуда происходил родом. Кроме того, будучи директором этого-же железно-дорожного общества, также как и одним из крупнейших держателей его акций, г-н Мягкостелящий имел возможность предоставить мне все сведения, касающиеся этого похвального учреждения.

Наш дилижанс, прокатившись с шумом по городу, в'ехал, недалеко от его предместья, на красивый, но не особенно прочный мост. Мне казалось, что этот мост был слишком жидок для того чтобы выдержать большую тяжесть.

По обе стороны моста простиралась обширная трясина. Эта трясина была так отвратительна и зловонна, что казалось будто нечистоты всей земли стекали в нее.

— Это знаменитая Топь Уныния — заметил г-н Мягкостелящий. — Позор для всей окрестности. Позор в особенности потому, что осушить ее было бы вовсе не так уж трудно.

— Я слышал, что это было целью многочисленных попыток еще с незапамятных времен. Буньян упоминает о том, что более двадцати тысяч возов полезных правил были сброшены сюда безо всякого результата, — сказал я.

— Вероятно, это так и было, — воскликнул Мягкостелящий. — Да и чего можно было ожидать от такого несущественного материала? — А вот Вы обратите внимание на этот удобный мост. Сбросив в трясину несколько изданий книг нравоучительного характера, мы получили довольно солидный для него фундамент. Затем, туда были сброшены томы французской философии и немецкого рационализма, трактаты, проповеди и сочинения современного духовенства, выдержки из Платона и Конфуция, выдержки из различных индусских сказаний. Все это, сдобренное некоторым количеством глубо-

комысленных комментарий Священного Писания, было превращено при помощи некоего процесса в массу, подобную граниту. Почему бы не наполнить всю трясину таким же матерьялом?

Но мне казалось, что мост сотрясался ужаснейшим образом. И, несмотря на уверения Мягкостелящего, касательно солидности фундамента этого моста, я не имел бы особенной охоты прокатиться по нем в переполненном пассажирами омнибусе, в особенности если бы все пассажиры везли с собой столько-же багажа, сколько везли его я и мой спутник.

Все же, несмотря на мои страхи, проехав по мосту безо всяких приключений, мы вскоре очутились на вокзале. Это широкое и просторное здание возведено на месте Тесных Врат, которые, как это памятно старым пилигримам, находились в стороне от большой дороги и, вследствие их узости, были большим препятствием для людей свободомыслящих и людей с вместительным желудком. Читатель Буньяна будет обрадован узнав, что Евангелист, старый друг Христианина, имевший привычку снабжать каждого пилигрима таинственным свитком пергамента, теперь заведует кассой с билетами. Некоторые недоброжелатели, это правда, берут под сомнение тождественность этого почтенного лица с прежним Евангелистом и даже претендуют на то, что они имеют доказательства, подтверждающие его самозванство. Не вмешиваясь в этот спор, я ограничусь тем, что замечу, насколько мне по-

зволяет судить о том опыт, квадратные куски картона, или билеты, что теперь выдаются пассажирам, гораздо удобнее для ношения и производят гораздо больше эффекта в пути, чем древние свитки пергамента, что выдавались прежде. Что-же касается того, будут ли эти билеты также охотно приняты у врат Небесного Града, как прежние свитки пергамента — на этот счет я отказываюсь высказать свое мнение.

Толпы пассажиров уже находились у ворот вокзала в ожидании отхода поезда. По виду и поведению этих людей можно было заключить, что отношение публики к путешествию в Небесную страну изменилось к лучшему. Сердце Буньяна возрадовалось бы, если бы он это увидел. Вместо одинокого человека в лохмотьях и с огромной ношей за плечами, страдальчески продвигающегося вперед, в то время как весь город шикает и гикает ему во след, — на лицо были группы самых уважаемых и почтенных лиц из окрестных сел и городов. Они двигались по направлению к Небесному Граду с таким видом, как будто это паломничество было простой поездкой на дачу. Между этими господами встречались лица с вполне заслуженной известностью: судьи, общественные деятели, люди обладающие богатством; их пример мог послужить лишь тому, чтобы наглядно показать их низшим братьям всю выгодность религии. Меня приятно поразило также то, что в женском отделении вокзала находились самые сливки высшего общества. Там были дамы, несомненно, могущие укра-

сить наиболее изысканные круги Небесного Града. Я застал их разговаривающими на весьма приятные темы. Они рассуждали о новостях дня, о делах и политике, переходя, иногда, на более легкую и приятную тему о развлечениях. Что же касается религии, то она, бесспорно оставаясь самой сущностью вещей, с большим вкусом была отодвинута на задний план. Даже неверующий услышал бы очень мало такого, что могло бы задеть его самолюбие или испортить его самочувствие.

Я должен упомянуть еще об одном громадном преимуществе, отсутствовавшем в прежние времена. Весь наш багаж, который встарину мы должны были бы нести на плечах, был уложен аккуратно в багажном вагоне и, как меня уверяли, должен быть выдан владельцам в конце путешествия. И, затем, еще одна вещь, о которой благосклонный читатель (я в этом уверен) узнает с удовольствием. Насколько помнится, еще с незапамятных времен тянулось междоусобие князя Вельзевула со стражем Тесных Врат; подданные Вельзевула имели привычку пускать смертоносные стрелы в пилигримов, в то время как те стучались у ворот. Так вот, — это междоусобие, к чести вышеупомянутого властителя, в такой же степени, как и ценнейших и просвещеннейших директоров железной дороги, благодаря взаимным уступкам, теперь совершенно прекращено! Многочисленные подданные князя Вельзевула в настоящее время обслуживают эту железную дорогу: некоторые управляясь с багажем, не-

которые доставляя топливо или работая у паровозов, а некоторые занимая другие подходящие должности. И, положа руку на сердце, я должен заметить, что ни на какой другой железной дороге нельзя найти более внимательных, предупредительных и любезных по отношению к пассажирам служащих. Каждый человек должен возрадоваться тому, что устранены трения, существовавшие с незапамятных времен.

— А не знаете ли Вы, где находится браг называвшийся Духом Твердости? — спросил я. — Без сомнения, директора устроили этого замечательного воина обер-кондуктором на этой железной дороге!

— Гм. . . нет, не совсем так . . . — замялся Мягкостелящий. — Ему предложили место сцепщика вагонов . . . но, по правде говоря, наш друг Дух Твердости на старости лет сделался весьма неповоротливым и ограниченным; он так часто водил пилигримов пешком, что считает за грех путешествовать каким бы то ни было другим образом. Кроме того, старик так поглощен его давнишней борьбой с Вельзевулом, что он бы вечно дрался и переругивался с подданными князя и это вновь привело бы нас к междоусобицам . . . Так что мы вовсе не жалеем о том, что честнейший Дух Твердости отправился в Небесный Град с большой поспешностью, предоставив нам, таким образом, возможность выбрать более подходящего человека. . . . А вон там показался наш машинист! Вы, вероятно, сразу узнаете его!

В этот момент паровоз был прицеплен

впереди вагонов; он походил (я должен признаться) скорее на какого-то механического демона, готового помчать нас по направлению к аду, чем на машину, долженствующую облегчить нам путь к Граду Небесному. На самой его верхушке сидело существо окутанное дымом и пламенем, которые оно извергало (я, право, говорю это вовсе не для того, чтобы запугать читателя) из своих внутренностей. Такое же пламя, смешанное с дымом, исходило из раскаленного корпуса машины.

— Не обманывают ли меня мои глаза! — воскликнул я. — Что это, в самом деле! Живое существо! Если это так, то машинист должно-быть никто иной, как родной брат паровоза, на котором он едет!

— Ну, ну! Да и бестолковы же вы! — чистосердечно рассмеялся Мягкостелящий. — Разве Вы не узнаете Аполлиона, давнишнего врага Христианина, с которым Христианин так храбро боролся в жестокой схватке в Долине Унижения? Вот он-то и управляет теперь паровозом. Устроив его нашим главным машинистом, мы, таким образом, примирили его с обычаем паломничества. . .

— Браво! Браво! — вскричал я с неудержимым энтузиазмом. — Вот это, действительно, свидетельствует о прогрессивности нашей эпохи! Вот это, как ничто другое, показывает, что все заплесневевшие предрассудки не сегодня — завтра будут изжиты. О, как возрадуется Христианин, узнав об этой счастливой перемене, происшедшей в его давнишнем противнике! Я предвкушаю

огромное удовольствие при мысли о том, как я извещу его относительно этого, когда мы приедем в Небесный Град.

Усевшись самым комфортабельным образом, подобно всем остальным пассажирам, мы весело отхватывали гораздо больше верст в десять минут, чем Христианин, по всей вероятности, был в состоянии отшагать за целый день. В то время как мы, таким манером, мчались как бы на крыльях молнии, нам показался очень забавным вид двух запыленных пилигримов, в старинных одеждах, с посохом и их мистическим свитком в руках и с невыносимо тяжелой ношей за плечами. Бестолковое упрямство этих добрых людей, предпочитающих стонать и спотыкаться вдоль неудобной тропы, вместо того, чтобы воспользоваться современными улучшениями, — вызвало неудержимое веселье в наших умудренных товарищах по путешествию. Мы забросали пилигримов шуточками, сопровождавшимися раскатами смеха. В ответ на это они поглядывали на нас с таким абсурдным состраданием, с таким горестным выражением на их лицах, что наше веселье стало еще более шумным. Аполлион охотно присоединился к нашей шалости, ухитрившись пустить дым и пламя из паровоза или из его собственного чрева (кто его знает!) прямо им в лицо, окутав их облаком раскаленного пара. Эти невинные шуточки казались нам очень забавными и, безусловно, для пилигримов они явились удобным предлогом, чтобы счесть себя мучениками.

На небольшом расстоянии от железной дороги, Мягкостелящий указал нам на огромное старинное здание, служившее постоялым двором. Это здание, заметил он, было известно еще в глубокую старину, служа, в прежние времена, остановочным пунктом для пилигримов. В дорожном дневнике Буньяна этот дом назван Домом Толкователя.

— Мне давно хотелось посетить это старинное здание — заметил я.

— Как видите, это не наша станция. Хозяин этого постоялого двора упорно противился проведению нашей железной дороги. И в этом нет ничего удивительного. Он знал, что железно-дорожные постройки, загородив ему вид из его окон, лишат его постояльцев. Но мимо его ворот, попрежнему, проходит тропинка и к старику иногда заходит какой-нибудь неприхотливый путник, которого он потчует такими же стародавними блюдами, как и он сам.

Прежде, чем наш разговор на эту тему пришел к концу, мы пронеслись мимо того места, где, при виде креста, бремя Христианина свалилось с плеч его. Это послужило новой темой для господ Мягкостелящего, Живи-для-мира, Прячь-грех-в-сердце, г-на Растяжимая-совесть и еще нескольких лиц из города Беги-покаяния. Они превозносили неисчислимые преимущества, являющиеся следствием надежности и безопасности способа отправки нашего груза. Все остальные пассажиры, не исключая меня самого, присоединились единодушно к этой точке зрения. Наш груз состоял из вещей высоко ценимых

в мире. Каждый из нас обладал разнообразным выбором особенно дорогих его сердцу привычек, которые, как мы все надеялись, должны были бы быть в моде среди образованных людей Небесного Града. Зрелище зарытия таких сокровищ в могилу было бы очень печальным. Итак, приятно беседуя о выгодности нашего положения в сравнении с положением встреченных нами пилигримов, а также и ограниченных людей нашего времени, мы вскоре очутились у подножия горы Затруднения. Через недра этой каменистой горы был прорезан туннель замечательнейшей конструкции, с высоким сводом и широкой двойной колеей; и (если только самые горы не обрушатся и не поколеблется земля) это сооружение останется вечным памятником предприимчивости и искусства его строителей. Кроме того, к несказанной выгоде — хотя это было лишь простым совпадением — глыбы, извлеченные из недр горы Затруднения, были использованы для наполнения долины Унижения, благодаря чему была устранена необходимость спуска в то неприятное и нездоровое место.

— Это, безусловно, огромное улучшение— сказал я. — Но, все таки, я хотел бы иметь возможность посетить Украшенный Чертог и быть представленным тем приятным молодым девицам, что обитают в нем: Благочестие, Любовь и Мудрость, а также и другим его обитателям, которые по доброте сердца принимают пилигримов.

— Молодые девицы! — воскликнул Мягкостелящий, как только он смог успокоиться

от душившего его смеха. — Очаровательные молодые девицы! Ха, ха! Друг мой, да что с вами? Ведь они уж давно превратились в старых дев! Накрахмаленные, сухие, и угловатые — вот каковы они! И ни одна из них не изменила покроя своего платья, оставаясь одетой по образцу дам времен путешествия Пилигрима.

— О, в таком случае, я могу обойтись без их знакомства, — заметил я, чувствуя себя вполне успокоенным.

В это время почтенный Аполлион мчал нас на всех парах; быть может стараясь избавиться от неприятных воспоминаний, связанных с местом где он, с такими печальными для него последствиями, встретился с Христианином.

Заглянув в дорожный дневник г-на Буньяна, я рассчитал, что мы должны были бы быть на расстоянии нескольких миль от долины Тени Смертной, но, принимая во внимание быстроту, с которой мы двигались, казалось, что мы попадем туда гораздо скорее, чем это было бы желательно. По правде говоря, я каждую минуту со страхом ожидал, что окажусь либо во рву, тянувшемуся по одну сторону, либо в трясине, простиравшейся по другую сторону.

Но г-н Мягкостелящий, услыхав о моих опасениях, уверил меня, что трудности переезда через эту долину (даже и тогда, когда она бывает в наиболее скверном состоянии) очень преувеличены, и, что теперь, когда все исправлено и упорядочено, я не подвергаюсь большей опасности, чем если бы я

путешествовал по любой железной дороге на белом свете.

Как раз, когда мы рассуждали об этом, наш поезд, как стрела влетел в эту ужасную долину.

Хоть я и должен сознаться, что во время нашего стремительного переезда по насыпи здесь устроенной, мое сердце забилось от ребяческого страха, все же, я думаю, что не отдать должное гениальной смелости самого проэкта и искусству и изобретательности тех, кто привел его в исполнение — было бы большой несправедливостью. Я также убедился с большим удовольствием в том, что немало труда было потрачено на то, чтобы рассеять царивший здесь мрак и чем-то заменить бодрящий свет солнца, ни один луч которого никогда еще не прорезал эти ужасные сумерки. Для этой цели весь горючий газ, в изобилии просачивающийся здесь из под почвы, посредством труб был собран в одно место и затем отведен к четверному ряду ламп, тянувшемуся вдоль всего прохода. Таким образом, даже и это огненно-серное проклятие, вечно расстилавшееся над долиной, было использовано для освещения; однако, это освещение резало глаза и, благодаря зловещему отпечатку, которое оно накладывало на лица моих спутников, внушало некоторое беспокойство; да и на дневной свет оно походило столько же, сколько истина походит на ложь. Все же, если читатель когда-либо проходил через эту долину, горьким опытом он должен был быть научен быть благодарным за

свет какого бы то ни было сорта: льющееся ли с небесной выси сияние, иль огонек, пробивающийся из под испепеленной почвы — лишь бы хоть чем-нибудь да осветить свой путь. Как бы то ни было, но багровое зарево, отбрасываемое этими лампами, было настолько ослепительно, что казалось, будто огненные стены стояли по обоим сторонам железно-дорожного пути. И между этими огненными стенами, сопровождаемые раскатами грома, наполнявшими долину, мы мчались с быстротою молнии к месту нашего назначения. Если бы наш поезд сошел с рельс (чему, как поговаривают, в прошлом бывали примеры), — бездонная пропасть, если таковая существует на свете, безусловно поглотила бы нас. Вдруг, как раз в то время, как эти зловещие и праздные мысли заставляли биться мое сердце сильнее обыкновенного, раздался пронзительный и страшный вопль, разнесшийся по долине с такой силой, как если бы тысячи демонов напрягали свои легкие, испуская этот вопль. Но, как потом оказалось, это был лишь свисток паровоза, машинист которого давал сигнал о приближении к станции.

Мы остановились как раз в том месте, которое наш друг Буньян, человек правдивый, но немного зараженный разными фантастическими идеями, в выражениях весьма и весьма недвусмысленных, описал как отверстие ада. Я думаю, что это было просто ошибкой с его стороны. Г-н Мягкостелящий воспользовался случаем, чтобы доказать нам, когда мы находились в той мрачной и дым-

ной пещере, что Геена Огненная не существует и о ней не следует говорить даже и в переносном смысле. Это место, он уверил нас, есть ничто иное, как полу-потухший вулкан, в котором, по приказанию начальников железной дороги, были установлены горны для закалки и обработки железа; здесь же добывают огромные запасы топлива для паровозов. . . И всякий, кто хоть раз заглянул в это зловеще-мрачное отверстие, откуда время от времени вырывались языки пламени, смешанного с дымом, кто хоть раз увидел копошившихся там полу-сформированных уродов, кто видел чудовищные лица, окутанные дымом, кто хоть раз услыхал жалобные завывания и заунывные стоны ветра, временами странно напоминавшие человеческую речь, — тот, подобно нам, ухватился бы за всякое успокаивающее об'яснение с большим энтузиазмом. К тому же, жители этой пещеры были неприятные люди: смуглые уроды, измазанные сажей, с безобразными ногами и с таким багровым отсветом в глазах, что чудилось, что их сердца были пожираемы пламенем, лишь отсвет которого пылал в их глазах. Мне показалось особенно странным то, что рабочие, работавшие у горнов и наковален, а также и грузчики, подносившие уголь к паровозу, начиная тяжело дышать, испускали прямо-таки дым изо рта и ноздрей.

Я был очень озадачен, заметив среди праздно шатающихся вокруг поезда людей, большинство коих попыхивало папиросками, зажженными у отверстия кратера, мно-

гих из тех, кто, как мне было известно, гораздо ранее отправились по железной дороге к Небесному Граду. Они выглядели черными, одичавшими, продымившимися и, право, походили на коренных жителей этой долины; также как и те, они имели порочную склонность к злобным шуточкам и насмешкам. Эта привычка была запечатлена на их искривленных лицах. Будучи немного знаком с одним из этих господ, нерадивым, никуда не годным малым по имени Сговорчивый, я окликнул его и спросил его, что он тут делает.

— Не начали-ли Вы Ваше путешествие к Небесному Граду? — спросил я.

— Совершенно верно! — подтвердил Сговорчивый. — Но по дороге, видите-ли, я услыхал такие вещи, что я решил и не пытаться карабкаться вверх на гору, где стоит этот город. Там нет ни дел, ни развлечений; выпить — тоже нечего; покурить — нельзя; вдобавок — звуки церковной музыки с утра до ночи. Я не хотел бы жить в таком месте, если бы даже мне предложили даровую квартиру и содержание.

— Но, все-таки, милейший г-н Сговорчивый, — воскликнул я, — почему Вы выбрали такое неподходящее для жилья место?

— О, здесь так тепло . . . да и к тому же, я встретил здесь столько знакомых . . . В общем, это самое подходящее для меня место. Надеюсь, что скоро и Вас здесь увижу. Итак, счастливого пути! — с кривой усмешкой прокричал мне вослед бездельник.

В эту минуту паровоз дал свисток и мы,

спустив на станции нескольких пассажиров, но не взяв никого из бывших на станции людей с собою, опять стремительно пустились в путь. Трясясь вдоль полотна железной дороги, тянувшегося через Долину, мы, как и прежде, были ошеломлены ослепительным светом газовых ламп. Иногда, поодаль, из мрака, куда уже не проникали лучи света, как будто выглядывали зловещие лица, казавшиеся воплощением различных грехов и дурных страстей; чудилось, что они, протискиваясь через завесу света, бросали на нас пронизывающие, строгие взгляды и как бы старались задержать нас, протягивая длинные, страшные руки. Мне померещилось, что это были мои собственные грехи, взывающие ко мне; разумеется, это были шутки расстроенного воображения, простой обман чувств и ничего более, — вещи, которых я должен был бы стыдиться. . . И все же, на всем протяжении дороги через мрачную Долину я был мучим, терзаем, преследуем и совершенно сбит с толку такими же видениями; как видно, зловонные и вредные испарения, которыми была насыщена эта местность, отравляли мой мозг. Но это тщетное видение потеряло всю свою живость, как только дневной свет начал пробираться через сияние газовых рожков, а далее, при первых лучах солнца, приветствовавшего наш выход из Долины Тени Смертной, и совсем исчезло. Лишь только мы удалились от этой долины на одну милю, не более, и я смог бы поклясться, что весь

этот тяжелый переезд был ничто иное, как сон.

У выхода из долины, как об этом упоминает Джон Буньян, находится пещера, в которой в его времена жили два жестоких великана: Папство и Язычество. Они покрыли всю окрестность останками умученных ими пилигримов. Эти подлые старые троглодиты не живут более там. Но в пещере, покинутой ими, поселился другой ужасный Великан. Он занимается тем, что ловит путешественников и откармливает их для своего стола, давая им обильную пищу, состоящую из дыма, тумана, лунного света, сырого картофеля и опилок. Он немец по происхождению и зовут его Великан Трансцедентальность. Проносясь мимо входа в пещеру, мы на лету едва смогли различить его несуразный облик, напоминающий скорее всего сгусток тумана и сумерек. Он крикнул нам что-то вослед, но в таких странных выражениях, что мы не поняли, что он этим подразумевал и следовало-ли нам испугаться или приободриться.

День уже склонялся к вечеру, когда наш поезд громыхая в'ехал в древний град, где все еще процветает Ярмарка Суеты; на этой ярмарке выставлены экспонаты как бы самой квинтэссенции обаятельной роскоши и блеска; здесь царят самое безудержное веселье и хвастливая пышность, какие только можно найти под луною. Так как я намеревался пробыть здесь довольно долгое время, мне было приятно услыхать, что уж нет более разногласий между жителями этого

города и пилигримами, разногласий, побуждавших этих жителей к таким печальным эксцессам, как преследование Христианина и жестокое умучение Верного. В настоящее время отношения между ними изменились совершенно: благодаря тому, что новая железная дорога способствует расширению торговли и постоянному наплыву пилигримов, владыка Ярмарки Суеты постоянно пользуется ею, а капиталисты Града Суеты стали крупнейшими держателями ее акций. Многие путешественники, вместо того, чтобы двигаться вперед по направлению к Небесному Граду, останавливаются здесь на Ярмарке; некоторые — ради развлечений, некоторые — чтобы зашибить деньгу. И в самом деле, сила очарования этого места так велика, что люди часто утверждают, что это и есть самые настоящие небеса. Энергично утверждая, что других небес нет, что те, кто продолжают искать их являются никем иными, как пустыми мечтателями, они заявляют, что если-бы сказочное сияние Небесного Града виднелось не далее единственной версты от ворот Ярмарки Суеты — даже и тогда они не были бы настолько глупы, чтобы отправиться туда. Не соглашаясь с этими, по всей вероятности, не совсем основательными панегириками Ярмарке Суеты, я могу все-же, не кривя душой, сказать, что мое пребывание в этом городе было в общем весьма приятным и что мое знакомство с его жителями доставило мне много забавных минут и было весьма поучительным.

Будучи по моей природе серьезного направления ума, я интересовался положительными сторонами жизни этого города, более чем скоропреходящими развлечениями и забавами, являющимися главной целью, увы, очень и очень многих приезжих. Всякий христианин-читатель, не получавший более поздних чем времен Буньяна известий касательно этого города, будет поражен, узнав, что теперь здесь почти на каждой улице воздвигнуты храмы и что достопочтенное духовенство нигде в мире не держится в таком почете, как на Ярмарке Суеты. И надо заметить, что духовные лица вполне заслуживают почет и уважение, оказываемые им: изречения исполненные мудрости, исходящие из уст их, берут начало от такого же высокого древнего источника и направлены к таким же возвышенным религиозным целям, как и те, что исходили из уст древних философов и мудрецов. В подтверждение того, что такое высокое о них мнение вполне основательно, мне достаточно лишь упомянуть имена Преосвященного Поверхностного и Отца Спотыкающийся-об-истину, а также и в высшей степени замечательного и давно известного пастора Сегодня-одно, который собирается вскорости уступить свою кафедру не менее замечательному священнослужителю Завтра-другое; хочу напомнить также о духовных особах Недоумение и Обременитель-духа и, наконец, о величайшем из них — пасторе Пустые-догматы. Труд этих отменных церковнослужителей в полной мере разделяется неисчислимыми лекторами, дающими та-

кие разнообразные сводки, конспекты и популяризированные очерки, как светских наук, так и духовных дисциплин, что всякому доступно дойти до учености и эрудиции, не затрудняя себя даже изучением грамоты. Возьмем, например, литературу: при помощи человеческого голоса она превращена в нечто эфирное, неосязаемое. Что же касается наук, то они, претворенные в серию неких звуков, — (в этом процессе освобождаясь от всех своих неудобоваримых ингридиентов, но, вне всякого сомнения, сохраняя ингридиенты наиболее ценные) незаметно вкрадываются в вечно отверстое ухо публики. Этот гениальный план осуществляется посредством особых механизмов, благодаря которым все желающие получают на-руки и образование и идеи, безо всякого усилия с их стороны. Кроме этих, есть еще один сорт механизмов; они служат для оптовой выработки добродетелей годных для личного потребления. Этот товар изготовляется великолепнейшим образом различными обществами, занятыми всякого рода благотворительными начинаниями. Все что требуется от индивидуума — это войти в связь с этими обществами (таким образом как-бы прибавляя свою долю добродетелей к общему фонду). а председатели и директора этих обществ сами уж заботятся о том, чтобы общая сумма добродетелей была как следует. использована. Все это, а также и еще другие замечательные достижения в области этики, религии и литературы, мастерски об'ясненные мне

г-ном Мягкостелящим, вызвали во мне чувство огромного восхищения Ярмаркой Суеты. Если-бы я записывал все, что поразило мое воображение во время моего пребывания в этой великой столице торговли, промыслов, ученых профессий и увеселений,— для моих записок (в наш век брошюр) потребовались бы целые томы.

Здесь можно было встретить представителей разнообразнейших слоев человеческого общества: сильных мира сего, мудрецов и остряков, а также лиц чем-либо другим заслуживших известность, к каким бы сословиям, званиям и профессиям они ни принадлежали; здесь можно было встретить королей и президентов, поэтов и генералов; здесь были художники, актеры, филантрописты. Все они принимали участие в купле-продаже и готовы были заплатить какую бы то ни было цену за вещь, приглянувшуюся им. И это было так занимательно, что стоило потолкаться по ярмарке, наблюдая, как идет торг, даже без малейшего намерения покупать или продавать.

Мне показалось, что некоторые из покупателей делали весьма несуразные покупки. Некий молодой человек, например, получив в наследство огромное состояние, истратил значительную его часть на приобретение болезней, а остаток этого состояния употребил на покупку тяжелой участи сожалений о невозвратном, всего лишь с охапкой лохмотьев в придачу. Одна очень красивая девушка променяла сердце, чистое как кристал, (бывшее, как казалось,

ее единственным достоянием) на драгоценную вещь того же сорта, но настолько изношенную и истертую, что эта вещь не имела уже никакой ценности. В одном магазине было выставлено огромное количество лавровых венков. Воины, писатели, государственные деятели и разные другие лица старались с жадной поспешностью захватить эти венки. Некоторые покупали их ценою собственной жизни, другие ценою изнурительного труда в течение целого ряда лет; многие ради этих жалких венков приносили в жертву все, что имели наиболее ценного и все-же, в конце-концов, плелись далее, не приобрев венка. На этой ярмарке были в большом ходу также какие-то акции, называвшиеся Совесть. Казалось, что на эти акции был большой спрос и что за них можно было купить все, что угодно. И в самом деле, очень немногие предметы роскоши могли быть приобретены без уплаты крупной суммы именно этими акциями. Да и дела людей шли вовсе неважно, если они не знали, когда и как выбросить их запас Совести на рынок. Однако, так как эти акции были единственной вещью, имевшей постоянную ценность, — те, кто расставались с ними, в конце концов, всегда оказывались в убытке. К тому-же многие спекуляции носили подозрительный характер. Временами, также, какой-нибудь член конгресса наполнял свои карманы, продавая интересы своих избирателей. Меня уверяли, кроме того, что государственные служащие нередко продава-

ли свою страну по очень сходной цене. Тысячи людей отдавали свое счастье за каприз. На позолоченные цепи также был большой спрос. Словом, кто только желал обменять ценную вещь на безделицу, мог найти покупателей на каждом шагу. Со всех сторон дымились многочисленные блюда чечевичной похлебки, приготовленные для тех, кто желал приобрести их ценой своего первородства. . . Но все-таки, некоторых вещей нельзя было найти на ярмарке неподдельными: так, если покупатель хотел пополнить свой запас юности — торговцы предлагали ему вставную челюсть и порыжевший парик; если он спрашивал душевное спокойствие — ему предлагали опиум или бутылку водки.

Участки земли и златые чертоги, находящиеся в пределах Небесного Града, часто были обменены на очень невыгодных условиях за несколько лет аренды маленьких, мрачных и неудобных помещений на Ярмарке Суеты. Сам князь Вельзевул очень интересовался этими сделками и иногда даже снисходил до того, что сам посредничал в делишках такого рода. Однажды я имел удовольствие наблюдать, как он торговался с одним беднягой, продававшим свою душу. После длинного спора и хватания за полу, Его Светлость выторговал ее приблизительно за стоимость шести пенсов. При этом князь с улыбкой заметил, что он понес убыток на этой сделке.

День за днем, по мере того, как я разгуливал по Ярмарке Суеты, мои манеры и по-

ведение становились все более и более похожими на манеры и поведение жителей Ярмарки. Я начинал чувствовать себя на ней, как дома. Из моей памяти почти совершенно изгладилась мысль о продолжении моего путешествия к Небесному Граду. Напомнило мне об этом лишь появление тех самых двух пилигримов, которых мы так безжалостно осмеяли еще в самом начале нашего путешествия, когда Апполион пускал им в лица пар и дым. Они попали в самый водоворот Ярмарки. Торговцы предлагали им пурпуровые ткани, тончайшие полотна и драгоценности. Остряки подтрунивали над ними, две дамы кидали на них косые взгляды, в то время как г-н Мягкостелящий, прочитав им наставление, глубокомысленно указывал им пальцем на только-что отстроенный храм. И эти замечательные простаки, упорно отказываясь принять какое бы то ни было участие в предлагаемых им делах или развлечениях, придавали этой сцене какой-то дикий и фантастический вид. Один из них, по имени Держись-правды, уловил, повидимому, на моем лице нечто вроде симпатии и почти восхищенния, которые, к моему удивлению, я чувствовавл по отношению к этим докучливым людям. Это побудило его заговорить со мною.

— Милостивый Государь! — начал он печальным и вместе с тем приятным и проникновенным голосом. — Вы называете себя пилигримом, не так-ли?

— О, да! — я ответил. — Мое право на это имя неоспоримо. Здесь, на Ярмарке Су-

еты, я только заезжий, только на короткое время. . . Я направляюсь к Небесному Граду по новой железной дороге. . .

— Увы, мой друг, все это дело с железной дорогой есть ничто иное, как мыльный пузырь, уверяю Вас! Вы можете ехать в этом поезде всю Вашу жизнь и, если бы она продолжалась даже тысячу лет, Вы все таки никогда не выберетесь из пределов Ярмарки Суеты. Быть может Вам будет даже казаться, что Вы в'езжаете во врата Небесного Града — но это будет лищь горьким обманом и разочарованием. . .

— Властитель Небесного Града, — начал другой пилигрим, чье имя было Шагай-к-небесам, — отказался и всегда будет отказываться признать это общество законным. А до тех пор, пока оно не будет признано законным, ни один пассажир не может надеяться войти в пределы владений этого властителя. Поэтому, каждый человек, покупающий билет для путешествия по этой дороге, должен рассчитывать, что он потеряет стоимость билета, являющуюся ничем иным, как стоимостью его души. . .

— Какая чепуха! — вскричал Мягкостелящий, беря меня под руку и уведя меня далее. — Эти люди должны были бы быть привлечены к ответственности за клевету. . . — продолжал он. — Если бы законы были также строги, как когда-то — их давно бы упрятали за решетку!

Этот случай произвел на меня большое впечатление и, вместе с другими обстоятельствами, заставил меня отказаться от мысли

о постоянном жительстве в Граде Ярмарки Суеты. Но я не был настолько глуп, чтобы отказаться от моего первоначального плана катиться далее со всеми удобствами по железной дороге. Меня стало обуревать желание оставить поскорее этот город позади. Я был очень обеспокоен одной странной вещью. Среди занятий и развлечений ярмарки, — в самом разгаре погони за богатством и почестями, среди-ли празднества, в театре-ли, в церкви-ли, несмотря на то, как неуместен перерыв — люди неожиданно исчезали, испарялись как мыльные пузыри, где бы они ни находились и что бы они ни делали. . . и никто никогда уже более их не видел. Все окружающие настолько свыклись с этим, что продолжали свои дела так же спокойно, как если бы ничего не случалось особенного. Но на меня это действовало иначе. Наконец, после довольно долгого пребывания на Ярмарке, я опять двинулся по направлению к Небесному Граду, все еще с г-ном Мягкостелящим подле меня. Неподалеку от предместий Града Суеты мы проехали мимо серебряных рудников, которые были найдены еще Демасом и которые продолжают действовать и по настоящее время, принося большую пользу: в них вычеканивается почти вся ходячая монета мира. Немного далее находилось место, где жена Лота, в образе соляного столпа, застыла на вечные времена. Любопытствующие путешественники давно уже разнесли этот столп по кусочкам. Если бы всякое сожаление об оставленном наказывалось также строго, как

был наказан поступок этой бедной дамы — мои вздохи о покинутых утехах Ярмарки Суеты должны были бы произвести такое же изменение в моем бренном теле, превратив меня в грозное предупреждение будущим пилигримам.

Следующей замечательной вещью было огромное здание в стиле модерн, какой-то прямо таки воздушной архитектуры, но выстроенное из старого, заплесневевшего камня. Наш поезд, с его обычным душераздирающим, пронзительным сигналом, остановился неподалеку от этого здания.

— Когда то это был замок грозного великана Отчаяния — заметил г-н Мягкостелящий. — Но по его смерти некто Легковерный отремонтировал это здание и устроил в нем одно из замечательнейших увеселительных мест. Это тоже одна из наших станций. . .

— Мне кажется, что построен этот замок очень уж непрочно, — сказал я, глядя на стены, на-спех сложенные из массивных глыб. — Я не завидую г-ну Легковерному. Когда нибудь это здание рухнет, похоронив под собой его обитателей.

— Ну, мы то, во всяком случае, избегнем этого! Как видите, Аполлион опять разводит пары.

Наша дорога, между тем, опустившись в ущелье Приятных гор, пересекла поляну, где в прежние времена слепцы блуждали и спотыкались среди могил. Один из древних надмогильных памятников был брошен вдоль рельс каким-то злостным человеком и наш

поезд, переезжая через этот памятник, получил ужаснейший толчок. Далеко вверху на горе я заметил заржавевшую железную дверь, почти совсем заросшую кустами и вьющимися растениями. Дым вырывался из ее щелей.

— Не начинается-ли за этой дверью, вон там, на склоне горы, окольная дорога к аду? Пастухи уверяли Христианина, что это действительно так. Но правда-ли это? — вопросил я.

— О, пастухи, должно быть, шутили! — с улыбкой ответил г-н Мягкостелящий. И затем прибавил:

— Это просто дверь в пещеру, служащую им коптильней. . . Они здесь коптят окорока.

Вскоре после этого какая-то необычайная слабость одолела меня. Мои воспоминания, относящиеся к этому промежутку времени — туманны и запутанны. Мы проезжали по заколдованному месту, воздух которого предрасполагал ко сну. Но я все-же проснулся как только мы переехали границу, за которой начиналась восхитительная страна Беула. Все пассажиры, понемного просыпаясь, протирали свои глаза, проверяли часы и поздравляли друг друга с близостью конца путешествия. Благоуханный ветерок освежил нас. Мы узрели серебристые фонтаны, журчавшие в тени роскошных деревьев, покрытых богатой листвой и чудными плодами. Плоды приносимые этими деревьями являлись следствием прививки им черенков, отщепленных от деревьев, расту-

щих в райских садах. В то время, как мы мчались вперед с быстротой урагана, нам предстало светлое видение ангела, взмахивающего крылами; он исполнял какое-то небесное задание.

Паровоз, между тем, возвещал о близости конечной станции. Наш машинист дал последний ужаснейший свисток, в котором, казалось, были выражены все вариации скорби, отчаяния и лютой ярости, все это смешанное с диким смехом дьявола или помешанного. Во все время нашего путешествия Апполион у каждой станции изощрялся в том, чтобы извлечь из свистка паровоза наиболее отвратительные звуки. Но он превзошел самого себя в своем последнем усилии и поднял страшный шум, который, кроме принесения беспокойства мирным жителям Бэула, должно быть донесся во всей своей дисгармонии до самых Врат Небесных.

В то время, как эти ужасные звуки все еще звенели в воздухе, неожиданно послышался торжественный аккорд как бы тысячи инструментов, обладающих красотой, мягкостью и глубиной тона, игравших в унисон, издавая звуки одновременно нежные и торжественные — как бы приветствуя славного героя, который после тяжких боев и славных побед, прибыл домой, чтоб навсегда снять свои доспехи. Стараясь разглядеть, что было причиной этой торжественной музыки, я, сходя с поезда, увидел великое множество сияющих существ, собравшихся по ту сторону реки, чтобы выразить их «добро

пожаловать» двум бедным пилигримам, которые как раз выплывали из глубины реки. Это были те самые пилигримы, которых Аполлион, да и мы сами, преследовали криками и насмешками и обжигающим паром в самом начале нашего путешествия, — те самые пилигримы, чей «не от мира сего» вид и чьи трогательные слова разбудили мою совесть посреди дикого разгула Ярмарки Суеты.

— Как поразительно успешны оказались эти люди — я крикнул г-ну Мягкостелящему. — О, как бы я желал, чтобы и нас ожидала подобная встреча!

— О, не беспокойтесь, не беспокойтесь! — бросил мне мой друг. — А ну-ка, поторопитесь! — прибавил он. — Наш паром скоро должен отчалить. . . Через три минуты мы будем на другой стороне реки. Без всякого сомнения, Вы найдете там экипаж, который и подвезет Вас к городским воротам. . .

Перед нами стоял пароход для перевозки через реку — образец достигнутых усовершенствований. По тому, как он яростно испускал дым, пыхтел и подавал другие не особенно приятные сигналы, можно было заключить, что он готов немедленно отчалить Я поспешил на палубу вместе с остальными пассажирами. Большинство их находилось в состоянии великого беспокойства. Одни из них препирались из за багажа, другие рвали на себе волосы, вопя, что они уверены в том, что пароход взорвется и пойдет ко дну; некоторые уже бледнели от начинающей чувствоваться качки, некоторые по-

глядывали со страхом на нашего рулевого, а некоторые все еще находились под снотворным влиянием Зачарованной Страны. Оглянувшись назад на берег, я был поражен, увидев г-на Мягкостелящего помахивающим платочком в знак пожелания мне счастливого пути.

— А Вы, разве, не едете в Небесный Град? — воскликнул я.

— О, нет! — ответил он с какой то странной улыбкой, сопровождаемой той самой неприятной гримасой, которую я заметил на лицах жителей Долины Мрака.

— О, нет! Я проследовал до сих пор лишь из-за Вашего приятного общества. . . До-свидания! Мы еще увидимся!

И после этого мой друг, г-н Мягкостелящий загоготал мне вослед. В то же самое время струя дыма показалась из его рта и ноздрей и в его глазах засверкали зловещие огоньки — зарево адского пожара, пылавшего в его сердце! Сатанинское исчадие! Отрицать существование Геены Огненной, в то время как ее пламя бушевало в его собственной груди!

Я кинулся к борту парохода, намереваясь выпрыгнуть на берег. Но его колеса, начиная вертеться, обдали меня струей воды, ледянящей как дыхание самой смерти —

пахнуло холодом, который не оставит эти воды, пока сама смерть не будет потоплена в своей реке — и я, с замирающим от боли сердцем, вздрогнул и . . .проснулся!

О, благодарение Богу! Это был сон!